

которые поросли бурьяном. Страшное, конечно, ощущение, с одной стороны, это потрясает, с другой — туда всегда хочется вернуться. А когда возвращаешься, понимаешь, что ничего от тебя в твоём доме уже не осталось.

— У вас есть злость к тем, кто сделал это с вашей родиной?

— Это очень сложный вопрос. Есть, конечно, злость к тому, кто это сделал. Но кто именно виноват? Это какая-то ужасная гидра, состоящая из конкретных исполнителей, заказчиков. Непонятно, на кого злиться. Когда в 1996 году боевики захватили Грозный, я ещё была в Чечне. Заехала я и начало второй войны. Тогда ещё по молодости думала: «Я ненавижу этих боевиков, этих федералов! Они мне не дают жить! Я молодая, влюблённая, хочу весны и всего остального, а они мне бомбы на голову кидают!» Сейчас этого уже нет, сейчас есть ощущение того, что это такая большая трагическая судьба моего народа. И моя личная беда — ничто по сравнению с тем, что уже несколько веков происходит с целым народом. Поэтому говорить о злобе тут было бы неправильно.

— Вас узнают в Чечне?

— Конечно, телекартинка очень много значит в нашей жизни. Да у меня и отец очень известный человек. Его фамилия до сих пор у всех на устах, а меня воспринимают как какое-то логическое продолжение его дела, его пути, как что-то неотделимое от него: «О, Асет, ты дочка Абдулы Вацуева!»

— А кто ваш отец?

— Отец у меня историк, бывший диссидент. Он ещё в советские времена говорил, что не все так просто с чеченским народом, что нельзя замалчивать факты про кавказскую войну. В республике была написанная комитетом партии заказная история о том, что чеченской войны не было, что чеченцы с русскими всегда жили дружно. И это при том, что даже в 60-е годы в горах жили абреки, которые так и не приняли советскую власть. И отец выступал, его выгоняли из института, ему не давали защититься, потом он стал печататься в газетах. В общем, он всю жизнь боролся, был очень деятельным. В народе его до сих пор называют «совесть чеченского народа». Но сейчас он парализован: в 1997 году он очень

надеялся, что наш дорогой Аслан Алиевич вытащит Чечню из кризиса. И папа очень переживал, видя, что ничего не получается. Вот и случился инсульт.

— Он вас смотрит?

— Да, но он не двигается и не разговаривает. Правая сторона парализована. Конечно, у него бывают какие-то возражения, но мы, к сожалению, этого не можем знать, потому что он не говорит. Есть какие-то звуки, но по ним ничего не определишь. Понимаем только бытовые вещи.

— В Чечне и здесь к вам относятся по-разному?

— Конечно. Москва — это очень большой город, но узнают все равно с восторгом. Только это другой восторг: там на меня смотрят как на «наше чеченское все», и это настораживает, потому что это ответственность, которую я могу не потянуть. А здесь все иначе: я недавно ребёнку покупала мороженое, продавщица меня узнала и воскликнула: «Ой, как приятно!» А в Чечне встречают так: «Ой, это Асет! Ой, ты дочь Абдулы Вацуева! Какая ты молодёц! Дай бог тебе счастья! Ты — наше лицо, ты умница! Держись!»

— Говорите, ответственность пугает?

— Конечно.

— Интересно, а чувствуете вы в Юлии Бордовских и Антоне Хрекове конкурентов себе?

— Конкуренции никакой нет. Антон — замечательный парень, всегда готовый помочь умным советом. Но мы с ними не так часто встречаемся, потому что у каждого свой участок работы, своя смена. А отношения у нас прекрасные.

— Кто для вас эталон в журналистике?

— Леонид Парфенов. Это банально, но это так. А ещё в какой-то степени Познер и Миткова.

— А как вы следите за внешностью?

— Абсолютно ничего не делаю, хотя понимаю, что надо. Хожу иногда в спортзал — это происходит очень спонтанно и по настроению. А с лицом ничего не делаю: во-первых, лень, а во-вторых, пока мне 26 лет, не очень и надо.

— Кто вас одевает?

— У нас великолепный стилист Наталья Столевиц. Мы очень довольны работой этих людей. До недавних пор главным стилистом у нас

был Андрей Мановцев, но он уволился, о чём я очень жалею.

— Вообще у телеведущих есть нужда в стилисте?

— Конечно. Например, нельзя надеть в эфир просто то, что тебе нравится. Ведь рядом со мной находятся ещё минимум три человека: соведущий, спортивный обозреватель и человек, сообщающий прогноз погоды. И все должны быть одеты в тон. Есть ещё много нюансов, которые самому учесть нереально.

— Я обратила внимание, что вы совсем не накрашены.

— В жизни я почти не крашусь. А в студии приходится, потому что там очень яркий свет. Грим делают всем. Это давнишняя традиция. Анна Николаевна Шатилова мне рассказывала, что раньше был такой ужасный свет, что им приходилось зелёной мазью красить лицо, чтобы выглядеть белыми. Сейчас свет тоже едкий — часть грима разъедает.

— Вы со мной говорите очень эмоционально. А в кадре у вас образ холодной и сдержанной девушки.

— Я не знаю, почему так происходит. При создании наших образов мы отталкивались от того, чего не надо делать. Изначально я была настоящим айсбергом в кадре, а сейчас уже появились некоторые эмоциональные нотки. Как бы мы ни говорили, что все личное надо оставлять за кадром, все равно что-то проявляется обязательно. Кроме того, есть настроение дня, новость дня, от которого тоже многое зависит.

— Вам бы не хотелось делать свою программу?

— Раньше ещё об этом говорить — я всего лишь год на телевидении. И вообще уходить из «Страны и мира» я пока не собираюсь: мало того, что мне очень повезло, что я попала на ТВ, я ещё и попала в такой замечательный коллектив. Так что, думаю, уходить отсюда мне и не захочется.

— А сделали бы фильм о Чечне?

— Вы знаете, сейчас так много фильмов об этом... Я смотрю документалистику, а всю эту якобы художественную белиберду, все эти сериалы нереальные. Это так топорно, грубо и безобразно, что я не понимаю, ради чего это делается. Если режиссер делает на этом деньги, ради бога. Пусть ему хватает на

Две «звезды» канала НТВ: Асет Вацуева и Юлия Бордовских

хлеб и на воду. Но ведь кино ещё должно что-то нести людям, а все это ничего не несёт. А вообще, когда делает фильм о Чечне человек извне, не из Чечни, у него на все проблемы абсолютно другой взгляд. И даже если он пытается объективно показать ситуацию, все равно видно, что он чего-то недопонимает, не чувствует.

— Когда приходится говорить о чеченских событиях, не хочется добавить что-то от себя?

— Всегда хочется добавить чуть-чуть своего, но это эмоции, которых не должно быть в новостях. И потом у нас же формат — невозможно тридцать минут посвящать Чечне, несмотря на то, что там до сих пор происходят страшные события. Вот после убийства Кадырова мы вышли первый раз во вторник. И мне очень хотелось говорить только об этом. Но жизнь у нас такая: это произошло 9-го, а 11-го в Ираке русских взяли в заложники и говорить надо уже о них.

— Кстати, как вы восприняли гибель Кадырова?

— Мне кажется тот, кто видел эти кадры, не может иметь двойное отношение. Но самое страшное — другое. Неважно, как выбирали Кадырова — подтасованные были выборы или нет. Я точно знаю, что за год его работы

отношение к нему радикально поменялось. Почему, не могу сказать, — я не живу в Чечне сейчас и не могу в деталях оценить ситуацию. Но люди безумно переживают его гибель. И лично у меня появилось ощущение, что мы — чеченцы — просто мусор, если вот так прилюдно убивают главного человека в республике.

— Когда происходят теракты в Москве, начинают, увы, активно гулять антикавказские настроения. Вас это касается?

— Если произошел теракт, логично, что идет усиление, пытаются найти виновных. Но у нас это всегда выливается во что-то большее. Когда гром грянул, милиция начинает просматривать всех чеченцев. Мы пытаемся к этому относиться спокойно: люди должны делать свою работу. Хотя ее надо бы делать до этого, а не после.

— Как вы относитесь к шахидкам?

— Я не знаю, как к ним относиться, потому что я их совсем не понимаю. В моем ближайшем окружении, среди знакомых моих знакомых нет шахидок или людей, которые были бы к ним близки. Я никак не могу понять, как все это возможно.

— Не так давно был вынесен жесточайший приговор одной из смертниц...

— Мне кажется, приговор неправильный. Очевидно, что эта девушка не очень умная, не очень образованная. У нее просто неумный авантюризм в определенных обстоятельствах. Но если она не взорвала эту бомбу, не нажала на кнопку, благодаря ей обнаружили других боевиков... Я не юрист, но мне кажется, для того, чтобы все остальные шли на такое же содействие, нельзя было выносить такой приговор.

— А у вас лично бывали проблемы из-за вашей национальности?

— Ну да, милиционеры на улице останавливали. Но это не национальная проблема, а финансовая — у них существует такой вот способ зарабатывания денег. Их целевая аудитория — это немосквичи и кавказцы. Просто они понимают, что взять денег с какого-нибудь приезжего из русской глубинки можно меньше, чем с кавказца. Сейчас меня уже не останавливают, потому что я езжу на машине. Но как к этому можно относиться? Милиционеры, как я для себя определила, — это такой социальный пласт: они, как правило, необразованные, хамливые. Конечно, неприятно с ними сталкиваться. А когда в этой ситуации ты еще и получаешься не прав, становится просто неприятно.

— На бытовом уровне тоже чувствуете негатив?

— Да после каждого теракта от соседей слышишь: «Вот, эти чернок...е приехали, живут в Москве, убивают нас. Убирайтесь в свою Чечню вонючую!» А сейчас, когда стали еще и узнавать, тем более. Но у меня такая работа, которой приходится полностью отдаваться, поэтому совсем не хватает времени на кого-то и на что-то. Я и в домашние дела очень мало вникаю, потому что физически не успеваю.

— Сына воспитываете как чеченца или?

— Он чистокровный чеченец, у него отец и мать чеченцы, никакой примеси в крови у нас нет. Естественно, он будет ездить в Чечню. Сейчас ему год и девять месяцев, и он пока маловат для этого путешествия. Мы хотели этим летом поехать, но из-за теракта не поедём. А дома мы говорим и на русском, и на чеченском. Причём порой, когда он не слушается, приходится переходить на чеченский — так он лучше понимает, что ли.